

Мотивный комплекс переодевания в житиях святых женщин, «подвизавшихся в мужском образе»

Предлагаемый материал — один из побочных результатов продолжительного погружения автора статьи в мир православной агиографии. Целью погружения было выделение круга житийных рассказов о «грешных святых»¹, но сплошной просмотр Четых Минеи св. Димитрия Ростовского попутно выявил в массиве житийных текстов несколько регулярно повторяющихся потенциально беллетристических мотивов, которые в дальнейшем были использованы русской литературой Нового времени. К ним относится и мотивный комплекс «переодевание в мужскую одежду христианской подвижницы»².

Постановка вопроса о трансвестизме в христианской традиции может удивить, поскольку в обыденном религиозном сознании широко распространено представление, что Церковь осуждает «мужскую одежду» женщин (в таком сознании любое нарушение формальных границ между полами традиционно включается в круг эсхатологических представлений). В числе доказательств негативного отношения христианской доктрины к подобным «извращениям» нередко называют фрагмент Второзакония, объявляющий «мерзостью перед Господом» всякого человека, надевшего одежду противоположного пола (Втор. 22: 5), а также решения некоторых церковных соборов. Однако обращение к материалам наиболее известного из них, Гангрского (340-е гг.), показывает, что в его решениях осуждались приверженки радикально-аскетического движения евстафиан, отрицавшего, помимо прочего, институт христианского брака. Женщины-евстафианки в поисках мнимого благочестия покидали свои семьи и, переодевшись в мужскую одежду, уходили жить в «бесполое» общины единомышленников. Как это нередко бывает, надуманный аскетизм оборачивался своей противоположностью, ввергая евстафиан в бездну разврата, и это движение было признано еретическим. Но героини рассматриваемых далее житийных текстов явно не принимали

на свой счет анафемы Гангрского собора — показательно, что время жизни большинства из них приходится как раз на IV–VI вв.

В этой статье будет рассмотрена сюжетная организация православных житий, героини которых соединили служение Богу с пребыванием в мужской одежде. Как уже говорилось, основным источником отбора текстов послужили Четьи Минеи св. Димитрия Ростовского³. Рассмотрение рукописной традиции житий, византийской и древнерусской, в задачи исследования не входило. Чтобы проследить динамику процесса бытования и восприятия мотива, отобранные тексты сравнивались с их изложением в других житийных сводах русского православия, прежде всего с современной электронной версией Православного церковного календаря⁴.

Следует сказать и о своих предшественниках в изучении этой житийной группы. Трансвестизм как экстравагантная модель христианского поведения был кратко рассмотрен исследователем феномена православного юродства С.А. Ивановым в качестве одного из близких юродству и нередко связанных с ним явлений⁵. На наш взгляд, в своей оценке поведения христианок, «подвизавшихся в мужском образе», ученый преувеличивает их осознанный вызов нормам общественной морали, так как в большинстве рассматриваемых далее житийных текстов необычный образ жизни героинь объяснялся особыми обстоятельствами и в дальнейшем не препятствовал их канонизации. Приводимый С.А. Ивановым пространственный список «святых травести» Восточной Церкви применительно к пантеону святых РПЦ нуждается в исправлениях и уточнениях⁶. Направление нашего исследования этой житийной группы в значительной мере подсказано И.В. Силантьевым, который привлекал некоторые из них в качестве примеров романтических сюжетов в древнерусской литературе⁷.

В сонме святых русского православия на настоящий момент нами выявлено 18 под-

вижниц, по разным причинам надевавших мужскую одежду. Время их жизни приходится на период между I и IX вв. — от ученицы апостола Павла первомученицы Феклы до преподобной Анны Вифинской, мирно усопшей в 826 г. Духовные биографии этих святых женщин пришли на Русь вслед за принятием христианства. Следует сказать, что вне нашего рассмотрения остаются пока две русские святые, «подвизавшиеся в мужском образе» уже в Новое время, — преподобная Досифея Киевская⁸ и блаженная Ксения Петербургская, поскольку их канонизация произошла лишь в конце минувшего столетия и о какой-либо устойчивой житийной традиции в этих случаях говорить рано.

Выявленные нами 16 агиографических текстов (героинями одного из них стали сразу три «святые травести») можно разделить на две группы: семь житий святых мучениц и девять житий преподобных. С каждой из этих разновидностей житийного жанра связан, как известно, особый способ организации повествования. Жития-маририи, явившиеся первым опытом христианской агиографии, не содержат, как правило, развернутой биографии героя; нередко также парные и групповые жития, почти не дающие характеристик отдельным участникам страдания за веру. Действия таких житий сконцентрированы вокруг главного эпизода — духовного противостояния святого его гонителям и описания его мученической кончины. Поэтому неудивительно, что мотив переодевания в большинстве отобранных нами маририев факкультативен и не играет особой роли в развитии действия.

Впервые этот мотив, как указывает С.А. Иванов, появляется в раннехристианском апокрифе «Деяния Павла и Феклы» (конец II в.)⁹. Хотя этот текст, строго говоря, не относится к житийному жанру, он явно заслуживает внимания, поскольку именно здесь впервые обозначились многие важные особенности типовой истории святой, «подвизавшейся в мужском образе». Первомученица Фекла, молодая и сексуально привлекательная девушка, отрекшаяся от земных страстей во имя интимно воспринятой ею идеи безбрачия, стала первообразом «святых травести» христианской агиографии. Этот текст обозначил впервые и идейную основу их необычного поведения — послания апостола Павла, чья устная проповедь о блаженстве девственных навсегда изменила жизнь Фек-

лы. Мотив переодевания введен в текст апокрифа единственным намеком в словах героини: «Обрежу власы мои и следую за тобой, куда бы ни пошел ты»¹⁰, что явно подразумевает ее переодевание в мужскую одежду (эта подробность у Дмитрия Ростовского (текст под 24 сентября) отсутствует). По сути дела, юная христианская неопитка ведет себя как многочисленные героини мировой литературы, не желающие расставаться с любимым (как справедливо подметил С.С. Аверинцев, в основе духовной метаморфозы Феклы лежит именно любовная страсть, скрывающаяся под маской отказа от страстей)¹¹. Первый христианский прецедент гендерного переодевания был не слишком удачным — вскоре сирийский наместник Александр распознал в одном из спутников Павла женщину и стал домогаться ее любви. Позднее многие «святые травести» окажутся в ситуации и вовсе парадоксальной: утратив видимые признаки своего пола в результате аскетических подвигов, они отнюдь не теряют при этом сексуальной привлекательности, что порождает безответную плотскую любовь к ним других женщин. Эта устойчиво повторяющаяся фривольно-комическая ситуация неизменно описывается агиографами с убийственной серьезностью: ее возникновение объясняется традиционными происками дьявола, столь же традиционно посрамляемого христианским смирением подвижниц.

Стоит обратить внимание и на другой сквозной мотив этого апокрифического текста. Отказ Феклы от предстоявшего ей брака приводит к жестокому конфликту с ее матерью, родительская любовь которой сменяется откровенной ненавистью к «беззаконнице». Но без сожаления покинув родной дом, Фекла волею Провидения обретает на чужбине новую мать, царицу Трифену. Недавно похоронившая свою дочь, эта женщина отдает нерастраченное материнское чувство молодой христианке, любовно опекая ее накануне предстоявшего той поединка с дикими зверями на арене цирка. Чудесное спасение Феклы воспринимается царицей как доказательство могущества христианского Бога, и она вместе с другими очевидцами происшедшего принимает крещение. В конце рассказа Фекла восстанавливает отношения и с родной матерью, обращая в христианство и ее. Так впервые проявляется парный мотив разрушения-восстановления семьи, который будет нередко сопровождать мотив переоде-

вания в житиях преподобных, «подвизавшихся в мужском образе».

В трех из отобранных нами рассказов о мученицах мотив переодевания почти случаен и слабо связан с главным событием их жизни — страданием за веру. Бывшая языческая жрица Домна Никомидийская, пострадавшая в сонме 20 тысяч мучеников (28 декабря), и инокини Археда, Фекла и Сосанна (6 июня) переодеваются мужчинами с благословения своих духовных наставников для спасения от гонителей. Христианка Глафира, бывшая служанкой и страдавшая от любовных домогательств хозяина, покидает его дом в мужской одежде согласно воле его жены (26 апреля, у Димитрия Ростовского ее имя в заглавие не вынесено). Еще в двух мартириях — «Страданиях» Феодоры и Дидима (27 мая) и Антонины и Александра (10 июня) мотив переодевания включается в «романный» сюжет. Дева-христианка за отказ поклониться идолам отдана на поругание в публичный дом, ее спасает воин-единоверец, поменявшийся с ней одеждой; он осужден на смерть, которую добровольно разделяет с ним спасенная им девушка. Во всех перечисленных случаях мотив переодевания сам по себе не является сюжетообразующим.

Впервые важное значение он получает в житийном рассказе о преподобномученице Евгении Римской (24 декабря), весьма популярном на христианском Востоке и Западе. Этот текст можно отнести к житиям переходного типа, обладающим признаками как мартирия, так и биографии. В таких житиях перед описанием страданий героев за веру появляется пространственный и, как правило, занимательный рассказ об их прежней жизни, слабо связанный с финалом и вполне самостоятельный¹². Сюжетной основой биографической части Жития св. Евгении и становится, как уже говорилось, мотив переодевания в мужскую одежду. Героиня, красивая и образованная девушка благородного происхождения, под влиянием чтения посланий апостола Павла решает тайно уйти в монастырь. Чтобы ее отец, римский наместник в Египте, не смог вернуть ее в мир, девушка с благословения крестившего ее александрийского епископа переодевается мужчиной и принимает монашеский постриг под именем инока Евгения, которого братия позднее избирает игуменом. Влюбившаяся в Евгения вдова Мелания мстит за свое отвергнутое чувство клеветой, обвинив игумена в попыт-

ке насилия. Для расследования дела обвиненный доставлен к наместнику, который с удивлением и радостью узнает в нем свою потерянную дочь. Вся его семья вслед за этим принимает крещение. Дальнейшее повествование, посвященное страданиям Евгении за веру, мотив переодевания не использует. В этом случае мотивный комплекс впервые получает свое целостное оформление, включающее сюжетно связанные мотивы переодевания, клеветы и разрушения-восстановления семьи.

Жития преподобных повествуют о праведной иноческой жизни своих героев, как правило, в виде линейно организованной биографии, начинающейся рождением святого от благочестивых богобоязненных родителей и заканчивающейся его мирным успением в стенах монастыря. Действие житий этого типа происходит обычно в эпоху победившего христианства, превратившегося из гонимой секты в государственную религию с достаточно развитым институтом монашества. Тем интереснее обнаружить в некоторых из отобранных нами житий преподобных трактовку мотива переодевания, характерную для мартириев. Героини житийных рассказов об Анастасии Патрики (10 марта) и Матроне Константинопольской (9 ноября) одеваются мужчинами, чтобы на некоторое время укрыться от преследователей, хотя в роли их гонителей выступают уже единоверцы. В первом случае это помогающий любви героини император Юстиниан I и его ревнивая жена Феодора¹³, во втором — муж Матроны, желающий вернуть к исполнению супружеских обязанностей свою аскетически настроенную жену. В обоих случаях эпизод переодевания в мужскую одежду не определяет всецело судьбы героинь.

Принципиально иначе использован мотив переодевания в Житии раскаявшейся блудницы Пелагии (8 октября)¹⁴. Грешная героиня под влиянием услышанной проповеди решает изменить свою жизнь и исчезает. Через несколько лет эту некогда блистательную антиохийскую куртизанку опознают в умершем евнухе-затворнике одного из мужских монастырей. Можно предположить, что экстравагантная форма покаяния героини была изощренным способом умерщвления ее грешной плоти.

Следует заметить, что хотя смысл монашеского служения в «мужском образе» состоял в победе духа святой над своей слабой

женской плотью, ситуация реального плотского искушения в отобранных нами житиях преподобных женщин изображается нечасто и довольно сдержанно, так что о переживаниях героини приходится лишь догадываться. Один из таких случаев описывает Житие Андроника и Афанасии (9 октября), в котором мотив переодевания оригинально встроены в одну из вариаций сюжета разрушения-восстановления христианской семьи. Счастливая супружеская жизнь заглавных героев жития внезапно разрушена смертью их детей, и они расстаются, приняв монашеский постриг. Через 12 лет Андроник, взявший на себя обет молчания, совершает паломничество в Иерусалим. Волею Провидения его спутником становится некий «брат Афанасий» — его неузнанная жена, переодевшаяся мужчиной в целях безопасности. Полная психологическая совместимость попутчиков наводит Андроника на мысль поселиться с «Афанасием» в одной келье, и тот не возражает. Еще 12 лет проходит в их безмолвном согласии. Повествователь поясняет, что Афанасия сразу же узнала мужа и все эти годы молила Бога о том, чтобы муж не узнал ее. Свою тайну она открывает лишь на смертном одре. Этот трогательный рассказ о нерасторжимом вопреки обстоятельствам единстве любящих душ лишен житейского правдоподобия и в то же время психологически убедителен, ибо основан на принципиальных различиях мужской и женской психологии.

Другую оригинальную вариацию той же темы дает Житие преподобного Пафнутия и дочери его Евфросинии (15 февраля). Героиня Жития, долгожданная и единственная дочь, которую любящий отец хотел вопреки ее воле выдать замуж, скрывается в отдаленном монастыре под именем евнуха Смарагда. После многих лет поисков Пафнутий, не перестававший горевать о своей утрате, обращается за советом к этому иноку, успевшему прославиться своей мудростью, и действительно получает утешение. Беседы со Смарагдом постепенно становятся сладостной привычкой одинокого старика, хотя свою дочь он узнает в нем лишь на ее смертном одре. Затем Пафнутий принимает постриг и до конца своих дней живет в келье Евфросинии, чтобы наконец воссоединиться с ней в Царствии Небесном.

В полном объеме мотивный комплекс переодевания представлен в четырех житиях преподобных. Особенностью истории

св. Аполлинарии (5 января) является тесное переплетение мотива клеветы с «мотивом семейным», поскольку героиню обвинили в соващении своей бесноватой сестры, ранее оставленной в их обители для исцеления (на деле мнимая беременность одержимой была дьявольским наваждением). «Святая травести» поэтому вынужденно открылась своим родителям, попутно исцелив сестру, хотя в глазах остального мира она оставалась «иноком Досифеем» до самой своей смерти.

Особым скрытым драматизмом отличаются два наиболее художественных рассказа этой группы — истории Марии Вифинской (12 февраля) и Феодоры Александрийской (11 сентября). Интересная особенность первого рассказа состоит в том, что девушка Мария надевает мужскую одежду именно с целью сохранения своей семьи, не желая расставаться с принявшим постриг вдовым отцом. После его смерти (преподобный Евгений поминается Церковью вместе со своей дочерью) «инок Марин» продолжал жить в той же обители, пока некая девица, тщетно домогавшаяся любви пригожего монаха и забеременевшая на стороне, не объявила его отцом своего ребенка. Ни слова не сказавший в свое оправдание, «Марин» был изгнан из монастыря вместе с «плодом греха». Воспитанию чужого ребенка героиня жития, безропотно терпящая поношения окружающих и благодарная Богу за представленную возможность изведать «материнство без растления», и посвящает остаток своих дней. Тайна оклеветанной девственности открывается лишь после ее смерти.

Пространное Житие Феодоры Александрийской, пришедшее на Русь в мастерской обработке Симеона Метафраста, можно уподобить настоящему духовному роману с хорошо продуманной композицией, искусно сплетающей в единое целое житийный и «романный» сюжеты¹⁵. Отличительная особенность этого агиографического рассказа состоит в том, что «мужской образ» в нем принимает кающаяся грешница. Феодора, молодая замужняя женщина, впавшая в грех прелюбодеяния по неопытности и доверчивости, уходит в монастырь в поисках покаяния и искупления. Переодеться мужчиной она вынуждена, чтобы скрыться от неустанно разыскивающего ее любящего мужа, который ничего не знал о причинах ее исчезновения. Особое напряжение действию Жития приданот два обстоятельства. Во-первых, несмотря

на рано явленный дар чудотворения, Феодора на протяжении всего повествования ведет духовную брань с преследующим ее своими происками дьяволом (его кознями повествователь объясняет и первоначальное падение героини). Не менее важным для развития действия является и то, что, несмотря на годы разлуки, супруги не перестают любить друг друга. Госка мужа по утраченной жене столь велика, что ему даруется возможность кратковременной встречи с нею (впрочем, как и другие мужские персонажи в историях «святых травести», потерянную супругу в благословившем его встреченном монахе он не узнает). Ответная любовь Феодоры проявляется в другом эпизоде, когда принявший обличие ее мужа враг человеческого рода едва не восторжествовал над ее стойкостью: вняв мольбам призрака, монахиня уже была готова ответить ему и от падения в соблазн ее спасло лишь инстинктивно сотворенное крестное знамение. Изменена в этом агиографическом рассказе и функция мотива клеветы, последствия которой героиня принимает как заслуженное наказание за свой скрытый от окружающих давний грех. Удивительным образом к концу повествования земная семья Феодоры, некогда разрушенная происками дьявола и ее грехом, претворяется в «семью небесную», общим домом которой служит Октодекатский монастырь. В его стенах оканчивает дни муж Феодоры, нашедший любимую лишь на ее смертном одре, настоятелем монастыря становится, повзрослев, и ее приемный сын Феодор.

Последнее по времени действия житие «святой травести» — история преподобной Анны Вифинской (29 октября), по которому можно заметить не только явное угасание идеи христианского трансвестизма, но и деформацию соответствующего мотивного комплекса. С именем этой святой связаны, как нам кажется, духовные биографии двух разных женщин. В Прологе и у Дмитрия Ростовского Анна, как некогда Матрона Константинопольская, с юности питала склонность к монашеской жизни и была выдана замуж вопреки своей воле. Но в отличие от Матроны, свою давнюю мечту она осуществляет вполне легально, как бездетная вдова. «Мужской образ» Анны является лишь недолгим эпизодом ее монашеского служения, к защите которого она вынужденно прибегла в опасную для инокинь эпоху иконоборчества. Мотив клеветы в этом житийном рассказе

невнятен и лишен драматизма: некий лжемонах попытался переложить вину за совершенное им самим насилие на безбородого «брата Евфимиана», но вскоре был разоблачен. В электронной версии Православного календаря, где Анна Вифинская упоминается вместе с ее сыном Иоанном, история этой святой совсем иная. Согласно этому рассказу, Анну за ее невысокое социальное происхождение невзлюбили родственники мужа и для прекращения семейных раздоров молодая женщина тайно удалилась на необитаемый остров, где и родила сына, которого воспитывала в пустынном уединении тридцать лет. Ее пребывание в «мужском образе» в тексте электронной версии Жития не упоминается.

Затем трансвестизм как форма христианского служения окончательно утрачивает актуальность. Уход в монастырь к этому времени воспринимался массовым сознанием как один из наиболее распространенных вариантов жизненного пути женщины-христианки, а отсутствие случаев каких-либо гонений на Христовых невест лишает возможное появления новых «святых травести» последнего церковного оправдания. В последующие столетия этот странный вид духовного подвига воспринимается как нечто совсем уж экзотическое. Современные электронные версии рассмотренных нами житий существенно короче соответствующих текстов у Дмитрия Ростовского, сообщая о странном подвижничестве героинь не без смущения, а в отрывном календаре «Жития святых» за 2007 г. значительная часть святых женщин, «подвизавшихся в мужском образе», и вовсе отсутствует¹⁶.

Но «святые травести» христианства не были полностью забыты. Считается, что одной из них как своей небесной покровительнице подражала Жанна д'Арк¹⁷, канонизация которой в XX в. создала новый католический прецедент гендерного переодевания. Особая тема — продолжение этой житийной традиции в православной агиографии Нового времени (например, влияние рассмотренных нами агиографических текстов ощутимо в легенде о преподобной Досифее Киевской). Не прошла мимо этих занимательных и трогательных рассказов и художественная литература Нового времени. Историю оклеветанной девственницы изложили в новеллистической форме швейцарец Готфрид Келлер и японец Акутагава Рюнноске. Результатом знакомства русских писателей с этими житиями явились

«Легенда» А.И. Герцена, «Легендарные характеры» Н.С. Лескова, очерк «Преподобная Марина» Е.Ю. Кузьминой-Караваевой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Климова М.Н.* От протопопа Аввакума до Федора Абрамова: жития «грешных святых» в русской литературе. М., 2010. С. 9–18, 127–134.

² Истории женщин и девушек, по разным причинам надевавших мужскую одежду, занимают видное место в широко распространенном сюжетном комплексе «переодевание» (см.: *Ромодановская Е.К.* Сюжетный комплекс «переодевание» и мотив потери одежды в повестях о гордом царе // *Критика и семиотика.* Новосибирск, 2010. Вып. 14. С. 29–35). Функция такого переодевания сильно варьируется. С его помощью героини мировой литературы и фольклора не только защищают себя от опасностей «мужского мира», но и отстаивают свое человеческое достоинство и право на выбор индивидуальной судьбы, добиваются воссоединения с любимым или торжества справедливости, наконец, задолго до зарождения идей эмансипации и феминизма, пытаются реализовать себя в традиционно мужских занятиях.

³ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих Миней св. Димитрия Ростовского с дополнениями из Пролога. М., 1902–1911. Т. 1–12.

⁴ Православный календарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://days.pravoslavie.ru>.

⁵ *Иванов С.А.* Блаженные похабы: культурная история юродства. М., 2005. С. 67–68.

⁶ Найти соответствия некоторым из них в сонме святых, почитаемых РПЦ, не удалось, русские версии других житий не содержат информации о переодевании. Так, в привлекаемых нами агиографических сводах не выявлено сведений о том,

что первая христианская юродивая Онисима (или Исидора) была некоторое время настоятельницей мужского монастыря.

⁷ *Силантьев И.В.* Сюжет как фактор жанрообразования в средневековой русской литературе. Новосибирск, 1996. С. 15, 18–21.

⁸ Сам факт существования этой «святой травы» до сих пор подвергается сомнению. В «Православной энциклопедии» этот агиографический персонаж назван св. Досифеем Китаевским (Киевским) (см.: Досифей Китаевский (Киевский) // *Православная энцикл.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/180355.html>).

Электронная версия Православного календаря, напротив, упоминает затворницу Досифею среди святых подвижниц, не давая, впрочем, сведений о ее жизни и иконографии.

⁹ От берегов Босфора до берегов Евфрата / Пер., предисл. и коммент. С.С. Аверинцева. М., 1987. С. 128–142.

¹⁰ Там же. С. 136.

¹¹ Там же. С. 30.

¹² Показательно, что многие из таких рассказов были обработаны писателями Нового времени: например, истории мага Киприана и Иустины или раскаявшейся блудницы Евдокии.

¹³ Парадоксальность ситуации усугубляет то обстоятельство, что эта царственная чета была причислена Православной Церковью к сонму благоверных правителей (14 ноября).

¹⁴ Перевод византийского оригинала см.: *Византийские легенды* / Изд. подгот. С.В. Полякова. СПб., 2004. С. 18–24.

¹⁵ Показательно, что уже в наше время это Житие без каких-либо изменений было выпущено в виде аудиокниги.

¹⁶ Православный церковный календарь. Жития святых. 2007. [Отрывной календарь] / Сост. А.Н. Смирнова. Кострома, 2006.

¹⁷ См.: *Райцес В.И.* Жанна д'Арк: факты, легенды, гипотезы. Л., 1982. С. 102–104.